

Глава 3

По воле случая

Флер глубоко затянулась сигаретой. Задержав дым в легких, пробормотала:

— Est-ce que tu connais Paris? (Ты знаешь Париж?)

Она говорила так, словно Париж был близким другом или любовником. Когда я смущенно призналась, что раньше приезжала в этот город лишь на пару дней, перед тем как отправиться на юг Франции, но была в Лувре, в музее Родена, видела Эйфелеву башню и Триумфальную арку, Флер медленно выдохнула дым. Она поднесла руку к губам и то ли цокнула языком, то ли насмешливо фыркнула — жест, выражающий недоверие, и в то же время озорной и приглашающий. С этого момента Флер решила, что ее обязанность — сделать так, чтобы мой студенческий год за границей запомнился не только скучными экскурсиями по заплесневелым музеям. Она решила в полной мере и без каких-либо ограничений познакомить меня с тем, что сама называла *Пари-бай-найт**.

В качестве первой экскурсии новая парижская соседка по комнате решила прокатить меня на своем *mobylette*, или *mobé*. Увы, это чудо техники, следующая ступень эволюции велосипеда, на самом деле не имело заднего сиденья, но Флер сказала, что это неважно. Если нас остановят *les flics* — полицейские, — мы просто улыбнемся и скажем, что

* Англ. Paris by night — ночной Париж.

уже едем домой. Когда Флер нужно было чего-то добиться, она без малейших колебаний пускала в ход свои женские чары.

— Еще я скажу, что ты американка, — добавила она (как будто это могло помочь).

Точно так же Флер относилась ко всему: она хотела жить в полную силу, не думая о риске и опасностях. Не желая портить веселье, я уселась на багажник ярко-голубого дорожного воина, и металлическая решетка немедленно впиалась мне в мягкие места. Флер засмеялась, велела слезть и покатила вниз по улице, чтобы разогнать мопед, затем развернулась и подъехала ко мне: «Запрыгивай!» Мы рывком тронулись с места, я схватилась за ее куртку и поежилась, представив, сколько синяков у меня будет к утру. Но вскоре эти мысли полностью вылетели из головы, потому что все внимание захватили проносящиеся мимо огни машин, между которыми лавировала Флер. Переходы, пешеходы, светофоры — все это не имело для нее никакого значения, она направляла свой *тобе* то левее, то правее, завладевая любой незанятой частью дороги.

Мы влетели на площадь Этуаль, перекресток с восьми-полосным круговым движением у подножия Триумфальной арки. Я зажмурилась и молилась, чтобы мы смогли выехать отсюда невредимыми. Флер объяснила «правила»: не уверена, были они где-то записаны или она придумала их сама. Впрочем, она все равно считала, что правила существуют в основном для того, чтобы их нарушать или хотя бы подтасовывать в свою пользу. Перекрикивая гудящие клаксоны и возгласы разъяренных водителей, она объяснила: после того как въедешь на площадь Этуаль, нужно как можно скорее добраться до центра.

— Никогда не смотри на машины, которые едут слева! — прокричала она. — Это они должны тебе уступить!

Как только окажешься в центре, нужно как можно сильнее разогнаться, при этом не давая центробежной силе тебя опрокинуть. Цель — один из «лучей звезды», то есть один из нескольких съездов. Поворачиваешь в нужном направлении, быстро, не слишком вникая в ситуацию, проезжаешь между движущимися автомобилями и выскакиваешь с круга.

— На самом деле нужно держаться справа, — объяснила Флер, — но так мы никогда отсюда не выберемся!

Считать, сколько автомобилей могло врезаться в нас в любой момент, было некогда. Она прокладывала путь поперек потока машин интуитивно, с поразительной легкостью и изяществом. Вскоре я узнала, что точно так же Флер двигалась по жизни, не обращая внимания ни на какие препятствия, поровну сочетая в себе энергию, волю и врожденную ловкость. И вуаля! — мы на месте!

Задолго до того, как поступить в колледж, я знала, что проведу семестр за границей — разумеется, в Париже. Снова буду жить в этой прекрасной свободной стране, которую открыла для себя четыре года назад. Наш с Парижем роман был на самой ранней стадии: мы только что познакомились. Нам нужно было узнать друг друга. *Пари-бай-найт, действительно.*

Большинство студентов Йельского университета предпочитали селиться у англоговорящих соседей, но для меня общение с другими американцами было последним, чем я хотела заняться в этой стране. Я хотела не просто изучать язык, а *быть* француженкой. Прodelав немалую детективную работу, я нашла французскую студентку по имени Флер — ее имя означало «цветок», хотя скоро я поняла всю глубину

заклученной в нем иронии. Я надеялась отыскать ее, когда приеду в Париж, и убедить принять меня. В списке рекомендованных соседей ее имени не было, но мне удалось раздобыть телефон ее матери.

— Allo? — раздался в трубке высокий веселый голос, похожий на детский.

— Bonjour, je m'appelle Maureen Popkin et je voudrais vivre avec votre fille (Привет, меня зовут Морин Попкин, и я хотела бы жить с вашей дочерью), — нервно произнесла я на неидеальном французском. Отдельная сложность заключалась в том, что слов «соседка по комнате» тогда вообще не существовало. (Теперь это называют co-locue, сокращенно от co-locataire (товарищ по комнате, соарендатор), или co-renter — да, французы абсолютно помешаны на независимости.) Я не знала, как перевести «соседка по комнате», и, чтобы объяснить, не придумала ничего лучше фразы «Я хочу жить с вашей дочерью» — прямо и по существу, хотя и несколько подозрительно. К счастью, мадам Ру не обиделась, сказала, что я хорошо говорю по-французски и она с удовольствием встретится со мной.

Мадам Ру, художница, жила в XIV округе, примерно в двух кварталах от своей дочери. Предвечернее парижское солнце заливало мягким красноватым светом картины, занимавшие все стены ее квартиры от пола до потолка, и делало ярче ее рыжие волосы и россыпь веснушек на руках. Сверкая голубыми глазами, мадам Ру порхала по квартире, указывала то на одну, то на другую картину, и мы обсуждали достоинства импрессионизма. Я изо всех сил пыталась произвести на нее впечатление знанием предмета (довольно поверхностным: как-то летом недолго работала в Музее искусств Сент-Луиса). Время от времени она останавливалась перед каким-нибудь

полотном, опиралась подбородком о ладонь и замолкала. После одной такой паузы она вдруг встрепенулась, как будто вспомнив, о чем мы собирались говорить, а затем сбросила бомбу:

— Je suis enchantée de vous rencontrer mais finalement, l'oncle de Fleur va louer l'autre moitié de son appartement (Я очарована встречей с вами, но дядя Флер все же решил арендовать вторую половину ее квартиры).

Я была раздавлена. Мы так живо общались, я интересовалась ее искусством: казалось, я уже убедила мадам Ру, что достойна жить с ее *socotte* — этим ласковым, но несколько приторным прозвищем она звала свою дочь. Хотя Флер, как выяснилось позднее, была совсем не милым цыпленочком. Удрученная, я медленно вышла на шумную улицу, добралась до метро на рю д'Алесиа и вернулась в отель.

Что ж, даже если не удалось заполучить подходящую соседку по комнате, я по-прежнему отчаянно хотела учить французский язык. На крайний случай был запасной план: я знала, что в VII округе есть международное католическое *foyer* (общежитие) для девушек, где все студентки обязаны говорить по-французски. Но перед большими коваными воротами простого квадратного каменного здания в стиле баухауз я испытала приступ разочарования: я-то мечтала, что буду жить в Париже в «увитом лозами причудливом старом доме», как Мадлен, героиня моих любимых детских книжек. Вместо этого вышла монахиня в аккуратном платье и проводила меня по аскетичному коридору в комнату — пустой белый куб. По дороге несколько учениц вежливо подняли склоненные головы и сказали: «*Bonjour, ma soeur*» («Здравствуйте, сестра»). Подождите, неужели я тоже должна буду называть их «сестра моя»? Видимо, на этот раз я зашла

слишком далеко. Я не была религиозна, но, казалось, совершаю некое святотатство в отношении иудейской веры, и это меня беспокоило. Подозрение подтвердилось, когда мы столкнулись с пожилой монахиней, которую мне представили как *vôtre mère* (ваша мать).

— Я буду жить в католическом foyer, — сказала я родителям, когда позвонила в Сент-Луис.

— Но, дорогая, — сказала мама, — ты же еврейка!

— Спасибо, я чуть не забыла, — саркастически пробормотала я и добавила: — Но они здесь очень либеральны. — Я надеялась, что это действительно так. — И, главное, я буду учить французский.

(Неудивительно, что в колледже, описывая свои качества в анкете, я выбрала слово «решительная».)

Я изо всех сил старалась как положено здороваться с хозяйкой («*Bonjour, ma mère*») и разбирать, что говорят по-французски другие иностранки. Примерно на пятый день пребывания там одна *ma soeur* сказала, что мне звонят по телефону. На другом конце провода я услышала медовое сопрано мадам Ру. Дядя все-таки передумал и не будет арендовать вторую половину квартиры — на него в любом случае нельзя положиться, — это предложение мне все еще интересно? Я почувствовала, что немедленно лопну от счастья.

Познакомившись с Флер, я в первый же день поняла, что она отличается от всех женщин, с которыми я встречалась раньше. Я втащила свои чемоданы один за другим на шесть лестничных пролетов вверх и распаковывала вещи в свободной спальне небольшой квартиры, когда услышала, как хлопнула дверь.

— *Сосу* (небрежное «привет» — обычно так говорят только близкие знакомые), — сказала Флер, заглянув в мою

комнату, а затем без приглашения вошла и в знак приветствия поцеловала меня в обе щеки. Она настояла, чтобы я немедленно отправилась с ней на кухню (маленькую и узкую, где было лишь самое необходимое в виде холодильника, плиты и духовки), чтобы она могла покурить и поближе со мной познакомиться (читай: устроить мне допрос и выяснить, достаточно ли я интересна, чтобы общаться). Флер уселась на окно с сигаретой в руке и забросала меня вопросами о еде, вечеринках и школьных предметах. У нее обо всем было твердое мнение, и она высказывала его без всяких извинений и оговорок.

Флер напомнила мне свободных и мятежных героинь французских фильмов новой волны, которые я изучала в колледже. Я вспомнила, как смотрела «Жюль и Джим», фильм о любовном треугольнике, о двух мужчинах, лучших друзьях, полюбивших одну женщину. Но, на мой взгляд, название было обманчивым. А может быть, оно говорило именно то, что и хотел режиссер — ведь не упоминался самый важный персонаж, Катрин, которую играла пленительная Жанна Моро. Для меня это было кино именно о ней. Или, точнее, это был фильм о невозможности понять Катрин, о людях, которые хотели ею обладать, и о ее бесконечном стремлении избегать каких-либо определенных категорий.

В начале сюжета Жюль рассказывает Джиму о своих романтических победах, а затем, сокрушаясь, что никак не может найти подходящую спутницу жизни, рисует свою идеальную женщину на кофейном столике. Позже они оба влюбляются в каменную статую фемины (созданную руками мужчины) и принимают решение следовать за любой дамой, которая напомнит им это безупречное видение красоты. По-видимому, больше всего этим парням нужна была *идея* женщины, которая

не могла говорить и даже двигаться, но соответствовала их представлениям об идеале. Неудивительно, что их мир перевернулся с ног на голову, когда они встретили Катрин, чей дерзкий и независимый дух невозможно было уложить ни в какие рамки.

В одной из знаменитых сцен фильма Катрин, играя, переодевается в мужчину: рисует на лице усы, убирает волосы под кепку и облачается в мешковатые брюки и рубашку на пуговицах. В таком виде она и выходит на улицы Парижа. Прохожий просит у нее прикурить, и когда он говорит ей: «*Merci, Monsieur (Благодарю, мсье)*», — она ухмыляется Жюлю и Джиму, зная, что выиграла свою маленькую игру. Кто не хотел бы оказаться в тот момент на месте Катрин? Она могла становиться какой угодно, не ограничиваясь классическими представлениями о женщине. Прекрасная, сексуальная, желанная, любимая и вызывающая восхищение — но недоступная. Никакие рамки не могли ее удержать.

Флер *была* живым воплощением экранной Катрин и во многих смыслах оказалась моим альтер-эго. Блондинка, бойкая и немного сумасбродная, и вместе с тем грубоватая, прагматичная и прямолинейная — в отличие от меня, брюнетки, осторожной, спокойной и мечтательной, вечно погруженной в свои мысли. Однажды вечером, когда мы уходили с поздней вечеринки и я пожаловалась, что нельзя зайти в туалет, Флер отмахнулась: «*C'est pas grave. Il faut juste faire comme ça* (Это не проблема. Нужно просто сделать так)». Она сунула в рот сигарету, одним движением расстегнула джинсы, бесцеремонно спустила их и присела на тротуар между двумя припаркованными машинами. Закончив, заметила, что я смотрю на нее круглыми глазами. Она запрокинула голову и рассмеелась: «*Et voilà, c'est une bonne chose de faite!* (Вот и все, дело

сделано)», — как будто это был самый естественный в мире поступок. По вечерам она нежилась в ванне, оживленно болтая с приятелем, который сидел рядом на унитазе с опущенной крышкой. Я удивлялась этой абсолютной беззаботности — но, по ее мнению, почему не использовать свое время с умом? Ей не приходило в голову, что я могу не принять ванну, если на меня будут смотреть друзья из колледжа. Или она, завернутая в простыню, приглашала меня познакомиться с ее новым бойфрендом после того, как они занимались любовью. Все это были не просто забавные выходки, о которых можно рассказать друзьям: Флер, сама того не сознавая, учила меня чувствовать себя удобно и уверенно, особенно в том, что касалось сексуальности и тела. Она не была эксгибиционисткой, но относилась к себе и своим потребностям естественно и непринужденно.

Отношение Флер к сексуальности и своему телу изменило мои представления о том, что значит быть женщиной. До этого момента я следовала негласным правилам и вела себя «как положено». Нельзя сказать, что в Сент-Луисе не было образцов для подражания. В старших классах у меня была учительница мисс Мокери, миниатюрная яркая блондинка, всегда в самых коротких юбках и самых провокационных, с глубоким вырезом, цветастых блузках. Входя в помещение с прямой спиной и поднятым подбородком, слегка покачивая бедрами, она излучала внутреннюю силу и уверенную и мощную женскую энергию. Тогда я впервые поняла, что можно быть абсолютно женственной и вместе с тем держать все под контролем. Не повышая голоса, она, тем не менее, производила угрожающее впечатление на учеников, которым делала выговор, и никто не осмеливался не сдать ей отчетную работу, хотя она задавала больше остальных преподавателей. На мой

взгляд, она вполне могла на равных поспорить с любым мужчиной, не выпячивая грудь и не прибегая к другим приемам, с помощью которых обычно пытаются «доминировать».

В то же время воспитание, полученное на Среднем Западе, научило меня быть крайне осторожной в проявлении сексуального желания (точнее, я считала, что должна полностью его подавлять: только мужчинам позволено чувствовать «это») и скромно относиться к своему телу. Хотя первый опыт на юге Франции начал менять мои представления о наготы, я по-прежнему была уверена, что женщины просто не имеют права проявлять сексуальное желание так, как это позволено сильному полу. Мы можем быть соблазненными, но не соблазнять. Можем спать с мужчинами, если любим и нас связывают серьезные отношения, а они часто делают это просто для развлечения. Сегодня мы способны выражать свою женственность и сексуальность намного свободнее и разнообразнее (хотя множество сообщений о харассменте и предубеждениях в университетских городках и на работе указывают, что еще предстоит пройти долгий путь). Но до того как встретила Флер, я даже не представляла, насколько смехотворны, однобоки и предвзяты эти принципы! Правила вплелись в самую ткань моего существования, и я была просто не способна отступить от них, не испытывая чувства вины и не упрекая себя. Харассмент, согласно закону, считается преступлением, лишь если секс становится условием для получения работы, продвижения по службе или привилегий в учебе, либо когда это происходит в жилых сообществах, как, например, университетские городки. Но о каком соответствии условиям идет речь, если подобные предрассудки настолько вплетены в общество и повседневность, что мы их почти

не замечаем? Как и не думаем о том, до какой степени эти тихие, негласные социальные нормы подрывают наше чувство уверенности в себе.

Жизнелюбие Флер оказалось заразным. Я решила, что могла бы так же легко скользить по жизни и делать выбор без оглядки на «дóлжно», «нужно» и «обязательно», без которых прежде не мыслила существования. Флер, казалось, сознательно шла наперекор всем ожиданиям, и этим она открыла мне глаза, дав возможность найти в себе нечто более настоящее и реальное. Она редко нарушала правила только из чувства противоречия. И просто отказывалась принимать ограничения, которые мешали ей делать то, что она считала для себя важным, или поступать так, как ей было удобно. Она внимательно относилась к своим желаниям и потребностям, позволявшим видеть мир за пределами препятствий, жестких рамок и заданных определений. И проскальзывала мимо турникетов на станции метро, потому что не видела причины платить. Она загорала топless на пляже не для того, чтобы устроить сцену, а потому, что ей не нужен был загар в полоску.

Это сочетание свободы и практичности очаровало меня и научило относиться к себе чуть более снисходительно (хотя об этом мне до сих пор приходится себе напоминать). До этого времени я жила в полной уверенности, что для успеха нужно усердно трудиться, быть строгой к себе и ставить самую высокую планку. Жизнь во Франции и общение с Флер дали не менее важный урок: чтобы продвинуться в жизни, иногда лучше прыгнуть с разбегу в новую культуру и незнакомые обстоятельства, чем старательно выполнять то, чего от меня ожидают или что я считаю «подходящим».

Возможность видеть дальше установленных рамок и двигаться по жизни в гармонии со своими истинными желаниями, соединенная с прагматизмом, стала основой моего существования, особенно касательно бизнеса и карьеры. На любой работе я прежде всего стремилась к цели, которой надеялась достичь, а не искала причины, почему это невыполнимо. Я заметила: если уделять слишком много внимания причинам, мешающим осуществить желание или достигнуть цели, это действует как самосбывающееся пророчество. Немного похоже на катание на лыжах: если вы начинаете подмечать все камни, расщелины и препятствия, обязательно в одно из них врежетесь. Но если сосредоточитесь на том, куда хотите попасть, лыжи принесут вас к этому месту без особых усилий. Наблюдая за тем, как Флер мчится по площади Этуаль и как ведет себя во многих других ситуациях, я задумалась о поиске собственного направления, способа обходить правила и избегать ярлыков, которые ставили на моем пути другие люди.

Мой студенческий год за границей закончился; я провела великолепное лето как настоящая парижанка: ни разу и близко не подошла ни к одной туристической достопримечательности, но выучила столько словечек из аргю (французского сленга), что мое владение личным лексиконом, приправленным лучшим Parigot акцентом, по сей день поражает даже издавших виды французов. Проводя время с Флер и ее друзьями на вечеринках и в ночных клубах, я наконец познакомилась с *Пари-бай-найт*. Как и следовало ожидать, Флер удавалось протаскивать нас даже мимо вышибал ультраэсклюзивных членских клубов, таких как Chez Castel: подвиг, свидетельствовавший о том, что я пользуюсь самой

высокой степенью доверия. Увы, настало время возвращаться в колледж, и мне снова пришлось поставить свой роман с Парижем на паузу. Чтобы вернуться на собственных условиях, возможно, придется отойти от кое-каких правил.

Последний год обучения в колледже подходил к концу, а я понятия не имела, чем *могла бы* заниматься дальше, учитывая интеллектуальный интерес к темным и сложным глубинам деконструкционистской теории. Многие мои друзья успели принять окончательное решение задолго до последнего семестра итогового года. Банковское дело и инвестиции, управление и консалтинг — проверенные и надежные направления, но ни одно из них не казалось мне подходящим, ведь я никогда не изучала экономику или математику. Другие приятели присмотрели не менее достойные профессии — юриспруденцию или медицину — и усиленно готовились к экзаменам, чтобы вступить на эту благородную стезю. Но только не я. Я понятия не имела, что делать.

Знала только, что хочу вернуться в Париж. Мне *необходимо* было вернуться. Я просто не представляла, как это устроить. И, поскольку возможности попасть в этот город не было, а до конца учебного года оставалось совсем немного, я решила сделать то же, что многие другие студенты: сдать экзамен LSAT* и поступить в юридическую школу. Этот вуз висел надо мной, словно облако: настоящий, видимый, но неосязаемый. Мой отец был адвокатом, причем превосходным. За год до этого я присутствовала на слушании, когда он

* LSAT (Law School Admission Test) — вступительный тест для юридических вузов США, проводится четыре раза в год в специализированных центрах по всему миру.

оспаривал дело в Верховном суде США. Это были первые годы работы Сандры О'Коннор* в Верховном суде, и я помню, как разглядывала ее серьезное лицо, когда она выслушивала аргументы защиты и делала замечания, казавшиеся мне весьма суровыми. Когда отец выиграл судебный процесс, то сказал, что она вынесла решение в его пользу, «благоволила» ему и говорила довольно приятные вещи. На меня слушание произвело совершенно другое впечатление, но в этом вопросе я больше доверяла его восприятию. Видите ли, я не слишком вникала в дело. Мне было интереснее наблюдать за судьями: какие позы они принимают, что произносят, как элегантно колышутся рукава их черных мантий, когда они поднимают руку. Для меня происходящее было впечатляющим, прекрасным, красивым, волнующим: оно походило на спектакль. Но могла ли я представить, что всю жизнь сама буду разыгрывать подобные постановки?

Стоило догадаться, что ничего не выйдет, уже на предварительном этапе, когда я не смогла заставить себя — что в целом мне совершенно не свойственно — подготовиться к важному экзамену. Я не купила ни одного пособия или учебника, которые помогли бы пройти тест. Просто перечислила оплату и, как сказали бы французы, у *allant en reculant* — подошла к процессу «задом наперед». Экзамен начинался ранним утром. Я встала в очередь, чтобы записать свое имя на планшете, чувствуя, что проиграла, еще до того, как все началось. Взъерошенный парень, вероятно, студент-первокурсник юридической школы, которому нужен был дополнительный заработок, раздавал бланки тестов и монотонным механическим голосом зачитывал правила.

* Сандра Дэй О'Коннор (род. 1930) — судья, член Верховного суда США; первая женщина, назначенная на этот пост.

Наблюдатель подал сигнал начинать, я неохотно раскрыла брошюру с тестами и приступила к первому вопросу. Прочитала задачу, рассмотрела предложенные варианты ответа. Ни одно решение не казалось подходящим или хотя бы релевантным. Я перечитала задание, прищурившись, как будто это помогало сосредоточиться. Наконец, без особой уверенности, выбрала один ответ и перешла ко второму вопросу. Через десять минут я едва справилась с тремя заданиями. Текст начал расплываться перед глазами. Примерно через двадцать минут (я была только на шестом вопросе) стало ясно: я не хочу быть адвокатом. Мне нечего здесь делать, и я должна бежать. Немедленно. Окрыленная обретенной решимостью, я встала, сжимая в руке бланки, и шумно отодвинула стул. Несколько учеников вскинули головы, но потом снова уткнулись в свои тесты. На лице наблюдателя появилась легкая паника: он жестом попросил меня сесть обратно. Затем подошел, и я прошептала ему на ухо, что закончила, и попросила, чтобы из моих документов удалили результаты частично пройденного экзамена. Студент-юрист устало поднял бровь, как будто хотел сказать (впрочем, не слишком уверенно): «Хорошо, но ты же знаешь, что ошибаешься», — и сообщил, что я могу идти. Я уверенно шагнула к двери, не обращая внимания на провожавшие меня неодобрительные взгляды.

Не имея каких-либо востребованных на рынке навыков (во всяком случае, мне так казалось), я отправилась в студенческий центр трудоустройства, чтобы узнать, какая работа мне подойдет. Консультант по карьере, сидевшая за большим столом, задала множество вопросов — они звучали как анкета для поиска подходящей пары из журнала Seventeen. Итак, чем вам нравится заниматься? Вы состоите в каком-нибудь клубе? Какие внеучебные мероприятия посещаете? Любите работать

в одиночку или вместе с другими? Я отвечала как можно точнее, надеясь, что это поможет решить мою дилемму. Из этих продуманных вопросов удалось извлечь очень важный факт: оказывается, мне нравилось «работать с людьми». По мнению консультанта, это «уникальное» качество открывало для меня множество «крайне интересных возможностей» — все они были представлены на полках покосившихся металлических стеллажей вдоль стен комнаты. Она предложила взглянуть на брошюры компаний, которым могли понадобиться сотрудники, «любящие работать с людьми». Следующие полчаса я рассматривала потрепанные корпоративные материалы. Из студенческого центра трудоустройства я уходила еще более растерянной, чем раньше.

Тем не менее я знала, что хочу оставить в жизни какой-то след — наподобие того неясного отпечатка моей маленькой ножки, который мама сделала на парижской штукатурке, когда я была совсем крошкой, — просто еще не знала, какие художественные материалы для этого выбрать. Ненадолго задумалась о карьере в PR, раз уж мне «нравилось работать с людьми», но в самый последний момент положение спасла Флер. Она представила меня своему дяде, одному из руководителей L'Oréal, который дал мне рекомендацию для стажировки — где бы вы думали? — в Париже.

Вокруг так много говорят, что нужно «следовать велению сердца». А если веление сердца не сможет сразу обеспечить вам успешную карьеру, если вы не знаете, как найти работу, соответствующую тому, что вы чувствуете глубоко в душе? Я не сразу нашла ответы на свои вопросы, но знала, где мое место, и, чтобы попасть туда, готова была рискнуть очень многим. Иногда нужно делать первый шаг, даже если нет

четко продуманного плана; следовать за своей интуицией и быть готовым двигаться в потоке — точно так же, как Флер лавировала в череде машин на площади Этуаль.

Странно: обычно мы считаем своими наставниками учителей, начальников или других людей, стоящих выше на иерархической лестнице. Мы восхищаемся ими, иногда обожествляем и часто поднимаем на пьедестал, полагая, что у них есть ответы на все вопросы. Но далеко не всегда вести по жизни может самый высокопоставленный, самый успешный человек из тех, кого вы знаете, и учиться можно, не только когда вы сидите друг напротив друга за офисным столом или в конференц-зале. Поиск нетрадиционных, даже субверсивных личностей, которые вдохновляют вас и бросают вам вызов, может дать немало знаний и опыта, способных пригодиться в те моменты, когда вы больше всего в них нуждаетесь. Наставники приходили ко мне в самых разных обликах — и, как в случае с моей подругой Флер, иногда преподносимый урок заключается просто в их образе жизни и особенностях личности: они остаются собой и поощряют к тому же нас.

Полагаю, сегодня, когда в вашем распоряжении LinkedIn, Glassdoor и множество других сетевых инструментов и сервисов для поиска работы, вы можете выбрать направление профессиональной деятельности без помощи ужасного студенческого центра трудоустройства. Пожалуй, теперь немного легче выяснить, чем именно вы хотите заниматься, даже если *получить* должность вашей мечты стало сложнее. А может быть, вы пережили опыт, похожий на мой, в одиночестве перед компьютерным экраном дома или в пустынном офисе. Я наблюдала, как мои дочери проходят почти такой же процесс, пытаясь выяснить, кто они, что их по-настоящему

трогает и как преобразовать это в профессию. Если вы выбрали не ту карьеру, где основные этапы совершенно ясны — например, юриспруденцию, медицину или науку, — будет неизбежно трудно ориентироваться. У каждого свой подход, но мне прежде всего было важно понять, чего *не* хочется. Я спустилась на несколько уровней вниз, чтобы разобраться, чего я действительно желаю (помимо самой работы — мечтала быть во Франции!), а затем сделала гигантский, хотя и рискованный шаг к своему призванию. В конце концов, простой совет Флер, возможно, был самым честным и полезным: если сомневаешься — *запрыгивай!*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

